

Тамара Эйдельман

КАК РАБОТАЕТ ПРОПАГАНДА

*РА
ПРО
РА
ПРО
ЕТ
НДА
ЕТ
НДА*

Тамара Эйдельман
Как работает пропаганда

«Individuum»

2018

УДК 32.019.51
ББК 60.527

Эйдельман Т. Н.

Как работает пропаганда / Т. Н. Эйдельман — «Individuum»,
2018

ISBN 978-5-6040721-4-1

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ(ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ЭЙДЕЛЬМАН ТАМАРОЙ НАТАНОВНОЙ,
СОДЕРЖАЩИЙСЯ В РЕЕСТРЕ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ С 09.09.2022.
Тамара Эйдельман, учитель истории с тридцатилетним стажем и популярный
лектор, исследует истоки и состояние пропаганды. На примерах из разных
стран и столетий она показывает, как ангажированные медиа влияют на
общественное мнение, как устроены типичные пропагандистские приемы и
как следует читать новости в эпоху постправды.

УДК 32.019.51
ББК 60.527

ISBN 978-5-6040721-4-1

© Эйдельман Т. Н., 2018
© Individuum, 2018

Содержание

Вступление	6
Часть 1	8
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Тамара Натановна Эйдельман

Как работает пропаганда

© Эйдельман Т., 2018

© ООО «Индивидуум Принт», 2018

Вступление

«Если собака кусает человека – это не новость, если человек кусает собаку – это новость». Эти слова приписывают разным людям, и, конечно, не случайно – за последние несколько столетий их могли бы сказать многие.

Новости сначала читали в газетах, потом слушали по радио и смотрели по телевизору, теперь читают, слушают, смотрят в интернете – и они, начиная с XIX века, играют все большую и большую роль в нашей жизни. Говорят, что богатство Ротшильдов произошло от того, что Натан Ротшильд раньше всех успел узнать о поражении Наполеона и по дешевке скупил британские ценные бумаги, пока все пытались от них избавиться.

Вовремя преподнесенные новости могут способствовать началу войны или, наоборот, поднять борьбу за мир; уничтожить репутацию уважаемого человека или прославить никому не известных людей. Про британского магната Альфреда Хармсворта (одного из претендентов на авторство фразы о собаке), чьи газеты перед Первой мировой войной разжигали антинемецкие настроения, говорили, что «после кайзера он сделал больше, чем кто-либо из ныне живущих, для приближения войны». Уотергейтский скандал, раскрытый журналистами «Вашингтон пост», привел к отставке американского президента Ричарда Никсона. Примеры можно приводить бесконечно.

Чем больше развивались технические возможности сообщения людям новостей, тем большее количество читателей/слушателей/зрителей можно было охватить своим влиянием. В XVI–XVII веках первые газеты были доступны немногим – тем, кто мог себе позволить их купить и к тому же прочитать. Но уже кардинал Ришелье, раньше других оценивший значение пропаганды, понял, что для укрепления королевской власти нужны не только мушкетеры или гвардейцы. Великий кардинал стал специально привлекать литераторов, поддерживал их, приплачивал, поощрял их творчество. Естественно, предполагалось, что за это они должны будут высказываться в том духе, который был нужен их покровителю. В противном случае... Ну, ничего страшного не происходило, но критика, уже процветавшая в то время, вполне могла вдруг дружно наброситься на вольнодумца – разумеется, «исключительно по художественным соображениям». Ришелье поддержал идею создания Французской академии – и сегодня одного из самых уважаемых французских культурных институтов, занимающегося выработкой стандарта французского языка. Когда критики обрушились на пьесу Пьера Корнеля «Сид», Ришелье увидел в этом сугубо литературном скандале возможность увеличить влияние «своей» Академии, которая с тех пор часто выступала арбитром в литературных спорах и приобретала все большее и большее влияние.

С 1631 года в Париже начинает выходить La Gazette – тираж ее составлял 1200 экземпляров, что для того времени было необычайно много. Ее основатель Теофраст Рендо получил привилегию от Ришелье – «право печатать и продавать всем, кому он посчитает нужным, новые газеты и рассказы обо всем, что произошло и происходит как внутри, так и за пределами королевства, доклады, текущие цены на товары и другие публикации». Кардинал лично присылал ему те документы, которые считал нужным донести до широкой публики. Целое бюро переводчиков готовило к изданию новости о происходившем в других странах. Но Рендо быстро понял, что на одной политике не заработаешь, и начал публиковать развлекательные материалы и частные объявления.

В XIX веке газеты стали уже доступны очень многим, сотни мальчишек-газетчиков бегали по улицам Парижа, Лондона, Берлина, звонко выкрикивая новости. Новость стала товаром, приносящим деньги и власть. Один английский историк сказал о Хармсворте: «Грамотно используя новости, он мог уничтожить кого угодно. Он стремился не к влиянию, а к власти, и в конце концов лишился и того и другого». Но прежде, чем влияние (или власть?) Харм-

сворта ослабеет, он будет возвеличивать одних и губить других. Публикации в его газетах о ходе военных действий и готовности Великобритании к войне в 1915 году обрушили министерство Генри Асквита, а в 1916-м помогли стать премьером Дэвиду Ллойд-Джорджу. Влияние его прессы было настолько велико, что к тому месту на побережье, где находился дом Хармсворта, немцы отправили броненосец в надежде избавиться от всемогущего журналиста.

Но если новости – это власть, то значит, их можно использовать для борьбы со своими противниками или для возвеличения какой-либо политической силы. Правители, политики, партии быстро поняли, как важно вовремя оказаться на первой полосе газеты или в телевизионном шоу в прайм-тайм. Они оценили, каким мощным оружием стала пресса для пропаганды своих идей и критики чужих.

Если новости – не только власть, но и деньги, то как повесить на них цены? Как привлечь внимание именно к своим новостям? Если сегодня никто не кусал собаку, то, может быть, придумать такую историю? Конечно, исключительно в благих целях. Если на самом деле человек пнул собаку ногой, то, может быть, стоит чуть-чуть, ну совсем немножко, подправить историю?

Так начинается борьба за читателя. Джеймс Гордон Беннетт – старший и младший, отец и сын, хозяева газеты «Нью-Йорк Геральд», многому научились сами, методом проб и ошибок. В 1861 году тираж газеты составлял 84 тысячи экземпляров, и издатели с гордостью называли ее «самой широко продаваемой газетой в мире». Не исключено, что так оно и было. Беннетт-старший сказал, что задача газеты – «не воспитывать, а удивлять и развлекать». И понеслось. Их газета писала о скандалах и сплетнях, одной из первых начала использовать иллюстрации и платить журналистам за расследования. Именно Джеймс Гордон Беннетт – младший отправил Генри Стэнли в Африку на поиски пропавшей экспедиции Давида Ливингстона.

Новостные поводы отыскивают, откапывают, на худой конец придумывают. Новости всем нужны. Их слушают, смотрят, читают, обсуждают. Ими промывают мозги. Их используют в самых разнообразных целях – чтобы заработать денег, чтобы добиться тех или иных политических целей, чтобы прославиться самим, чтобы опозорить других.

«Знание – сила» – повторяем мы уже много веков вслед за Фрэнсисом Бэконом, обычно подразумевая под этим необходимость хорошо учиться. «Информация – сила» – все чаще говорят в нашем информационном обществе. Кофи Аннан, генеральный секретарь ООН, заявил: «Знание – сила. Информация приносит свободу». А вот американская феминистка Робин Морган сказала: «Знание – сила, информация – сила. Засекречивание либо утаивание знания или информации может быть проявлением тирании, замаскированным под смирение». «Если вы контролируете информацию, вы можете контролировать людей», – пришел к выводу писатель Том Клэнси. А писательница Этель Уоттс Мамфорд высказалась куда циничнее: «Знание – сила, если ты знаешь что-то о нужном человеке». Социолог Роберт Стотон Линд подошел к этому вопросу с другой стороны: «Знание – сила, только если человек знает, на какие факты ему не надо тратить время». Очевидно, он имел в виду просто правильный отбор информации. А что, если этот отбор совершают за нас журналисты, идеологи, власти? Те самые, что контролируют информацию, чтобы контролировать людей?

Удивительным образом способы контроля над информацией очень мало меняются с течением времени. Развиваются технические средства – это безусловно. Но сами способы подачи фактов, их изложения – правдивого или лживого, манипуляции ими – а значит, и нашим мышлением, – почти не меняются от века к веку. И чем лучше мы будем понимать, каким образом используют информацию те, кто нам ее сообщает, тем больше у нас будет возможностей противостоять тому, что нам хотят навязать, и тем легче нам будет сформировать собственное мнение. Знание – сила. Информация – сила. Искаженная информация – страшная разрушительная сила. Оставим за собой право разобраться самим, кто кого укусил – человек собаку или собака человека.

Часть 1 «Мы» – «Они»: образ врага

Глава 1 Нет никого ужаснее наших врагов

«Я – последняя буква в алфавите». «Не надо „якать“, думай больше о других» – так нам твердят с самого детства. И это все хорошие слова и правильные мысли. За ними стоят образы дружеских улыбок, песен у костра, протянутых друг другу рук. Как хорошо, когда ты не одинокое «я», а радостное и дружелюбное «мы».

Но всегда ли «мы» дружелюбно? И кто такие «мы»? Можно ответить на этот вопрос по-разному, но один из ответов, наверное, будет такой: «мы» – это не «они». Потому что если есть «мы», значит, обязательно где-то существуют и «они», и главное, – нам сразу понятно, что эти самые «они» не похожи на «нас». А непохожих мы не любим.

«Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит» – важнейший лейтмотив огромного количества текстов. «Мы победили в войне против фашизма». Здесь под «мы» подразумевается советский народ. Включены ли в это «мы» американцы и британцы? Вряд ли. Англичане в стереотипном представлении, которое тщательно насаждалось и насаждается книгами, статьями и фильмами, отсиживались у себя на острове (под обстрелом ракетами Фау-1 и Фау-2), второй фронт открывать не хотели (в раскаленных песках Египта – разве это фронт? в Марокко – разве фронт? в Италии – разве фронт?), а про американцев и говорить нечего – пытались откупиться тушенкой по ленд-лизу (на самом деле – студебеккерами, самолетами, стратегическими материалами), где-то на краю света дурыю маялись (вели невероятно тяжелую войну с Японией), сепаратный мир заключить хотели (сказка, привет Штирлицу!), атомную бомбу сбросили на мирные города, даже две (в августе 1945-го СССР против этого совершенно не протестовал).

«Мы победили в Куликовской битве». Ой, а эти «мы» – это кто? Как кто? «Мы»... Россия. Как на стадионе: «Ра-си-я! Ра-си-я!» Ну, русские люди, которые победили татар. Интересно, что по этому поводу думают жители Казани? А жители Рязани, чей князь Олег Рязанский показал Мамаю броды через Оку? А жители Касимова, города, который долгое время был центром Касимовского ханства? Они что же, все не «мы»?

«Мы» – это какое-то крайне расплывчатое и не ясное понятие, как только его начинают применять не к маленькой семье, не к дружеской компании или школьному классу, а к каким-то более существенным общностям.

В былые времена все было понятно: подданные русского царя – это «мы», а остальные – «они». Вывод: вмешиваться в «наши» дела не надо.

В 1831 году Пушкин написал стихотворение «Клеветникам России» – реакцию на охватившее Европу возмущение тем, как жестоко российские войска подавили Польское восстание. Это гениальное стихотворение – одно из самых ярких и блистательных проявлений идеи о том, что существуют «мы» и «они».

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

«Народные витии» – ораторы, очевидно, депутаты британского парламента, или французского национального собрания, или, на худой конец, журналисты, возмущенные «волнениями Литвы». Восставшее против угнетения Николаем I Царство Польское не случайно «по старинке» названо Литвой. Ведь это давний «домашний, старый спор», «спор славян между собою». А кто нас, славян, поймет?

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда.

Дальше выясняется, что «они» не только нас не понимают, но еще и ненавидят.

Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас.

Прага в данном случае – вовсе не столица Чехии, а предместье Варшавы, где в 1794 году Суворов устроил невероятную резню, залил город кровью. Для Пушкина это важнейший момент в отношениях славян, но такой, который стоит упомянуть, противопоставляя себя «народным витиям». Получается, что даже конфликты – это наши конфликты.

Дальше заходит речь о том, как много, несмотря на свою непохожесть на Европу, Россия для «них» сделала.

За что ж? Ответствуйте, за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Александр Сергеевич, это вы о победе над Наполеоном или о событиях 1945 года?

Затем следует торжественное провозглашение готовности сражаться с «ними» и удивительным образом приводятся именно те доводы, которыми дипломаты и журналисты (может быть, даже не очень хорошо помнящие о существовании этого стихотворения) оперируют и сегодня.

Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,

От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

О чем говорят эти восхитительные, невероятные по звучанию стихи? Во-первых, у нас в прошлом так много побед, что мы можем быть уверены и в победах будущих. Во-вторых, наш государь – могуч и силен. В-третьих, Россия велика и в случае необходимости поднимется вся. Удивительно, как Пушкин в нескольких десятках строк сформулировал то, что писали, пишут и, кажется, будут писать еще много-много раз. Петр Андреевич Вяземский, несмотря на дружбу с Пушкиным, был шокирован этим стихотворением и записал горькие слова:

«Народные витии могли бы отвечать ему коротко и ясно: мы ненавидим, или лучше сказать, презираем вас, потому что в России поэту, как вы, не стыдно писать и печатать стихи, подобные вашим».

И далее:

«Мне так уж надоели эти географические фанфаронады наши: от Перми до Тавриды и проч. Что же тут хорошего, чему радоваться и чем хвастаться, что мы лежим врасстяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст, что физическая Россия – Федора, а нравственная – дура...

Вы грозны на словах, попробуйте на деле.

А это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке, да что вы, да сунься-ка, да где вам, да мы-то! Неужели Пушкин не убедился, что нам с Европою воевать была бы смерть».

Крах, который Россия потерпела через двадцать пять лет после написания этого стихотворения, во время Крымской войны, показал, что с Европой нам действительно лучше не воевать.

Прошли многие десятилетия, а многие продолжают – далеко не так талантливо, как Александр Сергеевич, – писать, что «мы» – это не «они».

И почему-то, как только возникают «мы» и «они», оказывается, что те люди, которые много десятилетий и даже веков жили вместе, совершенно не похожи друг на друга. И разница не только в языке, религии, обычаях, одежде. Опросы, проводившиеся в самых разных горячих точках, в разных концах света, показывают, что «мы» начинаем говорить про «них» совсем другие вещи. «Мы» уже не переносим «их» на физиологическом уровне – они грязные, вонючие, хамы, оскорбляют наших женщин и занимают наши рабочие места. И очень похожие вещи «они» обычно говорят про «нас». А если «они» – те, кто по другую сторону водораздела, – такие омерзительные, то их не надо жалеть, не надо им помогать. Дальше уже легко прийти и к тому, что их надо выгонять, преследовать, обижать, убивать.

Удобно, что на «них» можно свалить практически все свои беды и не брать на себя ответственность ни за что. «Англичанка гадит» – так любили говаривать в России в XIX веке, ожидая очередного подвоха со стороны королевы Виктории. В XX веке «гадили» сначала революционеры, евреи, поляки, потом, наоборот, – белые, эмигранты, троцкисты, «бывшие», фашисты, потом вдруг снова евреи, американцы, НАТО, ЦРУ... Потом Израиль – значит, опять евреи, а с ними – американцы; империалисты, то бишь американцы, ну а среди них

– и евреи; потом те, кто развалил Советский Союз, – а это, конечно же, в очередной раз американцы.

Когда у государства, народа, определенной группы или даже у отдельного человека появляются враги, «они», то ясно, что они не вызывают теплых чувств. И ясно, что хочется всех поднять на войну с врагом – страшным, жестоким, коварным врагом. А как это сделать?

К началу 1806 года Россия уже несколько месяцев вела военные действия против Наполеона. Дела шли не слишком хорошо. За последние месяцы 1805 года французские войска успели окружить австрийскую армию под Ульмом, взять Вену, разгромить российские и австрийские войска под Аустерлицем. Когда униженная Австрия вышла из антифранцузской коалиции, Наполеон занялся Пруссией. Гейне как-то сказал: «Наполеон дунул – и Пруссии не стало». Прусская армия была разгромлена, Берлин взят, и после этого основные военные действия велись хоть и на прусской территории, но против России. И как раз в это время Синод разослал по всей стране текст, который священники были обязаны читать в церквях каждое воскресенье после службы. Это означало, что его с благоговейным вниманием выслушали миллионы людей по всей стране. Так началось то, что один из крупнейших специалистов по истории и литературе XVIII–XIX веков А. Л. Зорин назвал «первой в истории России массовой пропагандистской кампанией».

«Неистовый враг мира и благословенной тишины, Наполеон Бонапарте, самовластно присвоивший себе царственный венец Франции и силою оружия, а более коварством распространивший власть свою на многие соседственные с нею государства, опустошивший мечом и пламенем их грады и селы, дерзает в иступлении злобы своей угрожать свыше покровительствуемой России вторжением в ее пределы... и потрясением православной грекороссийской Церкви во всей чистоте ее и святости...»

Всеми миру известны богопротивные его [Наполеона] замыслы и деяния, коими он попирает законы и правду. Еще во времена народного возмущения, свирепствовавшего во Франции во время богопротивной революции, бедственной для человечества и навлекшей небесное проклятие на виновников ее, отложился он от христианской веры, на сходбищах народных торжествовал учрежденные лжеумствующими богоотступниками идолопоклоннические празднества и в сонме нечестивых сообщников своих воздал поклонение, единому Всевышнему Божеству подобающее, истуканам, человеческим тварям и блудницам, идольским изображениям для них служившим.

В Египте приобщился он гонителям Церкви Христовой, проповедовал Алкоран Магометов, объявил себя защитником исповедания неверных последователей сего лжепророка мусульман и торжественно показывал презрение свое к пастырям святой Церкви Христовой. Наконец, к вящему посрамлению оной, созвал во Франции иудейские синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин еврейский, сей самый богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устроить их на испровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение лжемессии в лице Наполеона».

Интересно то, что в этом тексте много правды. Давайте разбираться. Присвоил ли Бонапарт «царственный венец Франции»? Безусловно, да. Захватив в 1799 году власть, он стал

сначала первым консулом, а к 1806 году назывался уже императором. Распространил ли он свою власть на «соседственные» государства? Конечно. К этому моменту ему подчинялись уже многие страны.

Угрожал ли он России «вторжением в ее пределы» – сомнительно, но, во всяком случае, воевал он в тот момент против России, так что мог теоретически и вторгнуться. А должно ли это было сопровождаться «потрясением православной грекороссийской Церкви»? После общего вступления автор – а им, скорее всего, был известный церковный деятель митрополит Платон (Левшин) – подробно перечисляет совершенные Наполеоном злодеяния. И вот здесь уже начинается интересная игра с фактами, вымыслами и полувывыслом.

Отложился ли Наполеон от христианской веры? Конечно, человек, который вырос, сформировался, начал свою карьеру во времена Великой французской революции, не мог быть «воцерковленным» в том смысле, как это понимал митрополит Платон. Наполеон не ходил в церковь, не исповедовался, не причащался. Верил ли он в Бога, сказать трудно. Основываясь на его разговоре с ученым Лапласом, можно предположить, что какое-то религиозное чувство у него было. Наполеон, по преданию, спросил ученого: «Великий Ньютон все время ссылается на Бога, а вы написали такую огромную книгу о системе мира и ни разу не упомянули о Боге!» На что Лаплас ответил: «Сир, я в этой гипотезе не нуждался».

Позиция Лапласа в данном случае понятна, а вот почему Наполеон задал такой вопрос – просто констатируя факт, что у Ньютона так, а у Лапласа иначе, или же его шокировало отсутствие упоминаний о Боге, – сказать трудно. Зато мы знаем, что Наполеон хорошо понимал пропагандистскую силу религии – не хуже московского митрополита. Другое знаменитое изречение французского императора гласит: «Религия – прекрасный инструмент для удержания бедных людей в покорности».

Эту фразу тоже можно толковать по-разному – и как слова неверующего циника, и как рассуждение религиозного политика. Но каковы были в реальности отношения Наполеона с религией? Если верить тексту, читавшемуся в российских церквях, то он участвовал в «идолопоклоннических празднествах» и поклонялся «истуканам, человеческим тварям и блудницам, идольским изображениям для них служившим».

Что должны были представить себе прихожане? Они слышали достаточно библейских текстов, чтобы слова «идол», «истукан», «блудница» вызвали у них совершенно четкие ассоциации с жуткими человеческими жертвоприношениями Ваалу и другим языческим божествам, с которыми боролись библейские пророки. «Блудница» отсылала к Вавилонской блуднице из Апокалипсиса, когда Иоанн Богослов «увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами».

Но вообще-то под этими образами в тексте митрополита скрывались куда более земные и недавние события – антирелигиозная политика Французской революции, празднества, устраивавшиеся Робеспьером в Париже на Марсовом поле в честь Верховного существа, создание в Париже Пантеона, посвященного великим людям Франции, куда был перенесен прах Вольтера, Руссо, Марата и других. Даже блудница появилась здесь не просто так: во время одного из революционных праздников в Париже в 1793 году в соборе Парижской Богородицы были установлены декорации, изображавшие гору, на которой находился храм Философии, а актриса Тереза Анжелика Обри, олицетворявшая свободу, восседала на этой горе, одетая в белую тунику, синюю накидку и красный фригийский колпак, то есть по понятиям того времени – еще и полуголая.

Получается, что в этом отрывке события Французской революции описаны достаточно точно, хотя и таким языком, который должен был вызывать определенные отрицательные ассоциации.

Но возникает вопрос: а при чем тут Наполеон? Ответ прост: ни при чем. Конечно, Наполеон служил якобинцам, его карьера началась с того, что он помог революционной армии

захватить взбунтовавшийся Тулон, ему покровительствовал брат Робеспьера. Но участвовал ли он в празднествах на Марсовом поле? Приводил ли он Терезу Анжелику Обри в храм? Поклонялся ли праху Вольтера и Руссо в Пантеоне? Конечно, нет.

Наоборот, во время правления Наполеона во Франции открылись закрытые якобинцами церкви, а для своей коронации в 1804 году он даже выписал (хотя и достаточно бесцеремонно) в Париж самого папу римского.

Но все «богохульные» действия, описанные апокалиптическим языком, можно привязать к нему просто потому, что он жил в то время во Франции.

Следующие обвинения оказываются куда более конкретными и показывают хорошую осведомленность автора: «В Египте приобщился он гонителям Церкви Христовой, проповедовал Алкоран Магометов, объявил себя защитником исповедания неверных последователей сего лжепророка мусульман и торжественно показывал презрение свое к пастырям святой Церкви Христовой».

В данном случае автор куда ближе к истине, чем в первом абзаце. Во время Египетского похода Бонапарт действительно всеми силами пытался добиться поддержки египтян. Высадившись в Александрии, он сразу выпустил воззвание к египтянам, причем датировано оно было не согласно традиционному календарю «от рождества Христова», а по революционному французскому календарю – 14 мессидора VI года Республики – и по мусульманскому календарю – 18 месяца мухаррема, год хиджры 1213. «Народы Египта, вам будут говорить, что я пришел, чтобы разрушить вашу религию, – не верьте! Отвечайте, что я пришел, чтобы восстановить ваши права, покарать узурпаторов, и что я уважаю больше, чем мамелюки, Бога, его пророка и Коран». Отсюда легко можно сделать вывод, что Наполеон принял ислам. Правда, сразу же за этой фразой появляется мысль, с которой согласились бы многие философы-просветители: «Скажите, что все люди равны перед Богом, только мудрость, таланты и добродетели вносят различия между людьми».

Объявил ли Бонапарт себя в Египте защитником мусульман? Да. Показывал ли он презрение к «пастырям святой Церкви»? Да. Вот что пишет Дмитрий Мережковский в своем романе – биографии Наполеона:

«Трудности духовные были еще больше материальных: чтобы в самом деле освободиться от пут европейской, христианской цивилизации, надо было освободиться от самого христианства. Был ли он готов и на это или только делал вид, что готов? Во всяком случае, неосторожно повторял легкую шутку легкого короля: „Париж стоит обедни!“ Это значит: мировое владычество стоит христианства.»

«По вечерам я занимался теологией с беями, говорил им, что есть только Бог Магомета и что нелепо верить, будто бы Три – одно. У меня всегда было семь кофейников на огне, и ни один турок не заходил ко мне без того, чтобы не выпить кофе.»

Может быть, сыны Пророка кое-что поняли в нем, когда назвали его „Султаном Огненным“; но едва ли поверили, что он „посланник Божий“, „второе воплощение Пророка“, даже когда прочли его воззвание к мусульманским шейхам и улемам: „От начала мира на небесах было написано, что, уничтожив всех врагов Ислама, низвергнув кресты, я приду с Запада, чтобы исполнить свое назначение“. „Так-то я потешался над ними, – прибавляет он, вспоминая об этом. – Это было, конечно, шарлатанство, но высшего порядка“. И уверяет: „Вся армия вместе со мной переменяла бы веру шутя“».

Главные слова здесь – «шарлатанство» и «шутя». Для Наполеона возможная смена веры, или намек на смену веры, – это просто еще один способ «удержания бедных людей в покорности». Но когда рассказ о его «шарлатанстве» следует за словами об «идолопоклонничестве» и «блуднице», то ни о какой шутке речи уже быть не может, и Наполеон превращается в страшного врага христианства.

На этом обвинения в адрес французского императора не заканчиваются. Его обвиняют в симпатиях не только по отношению к мусульманам, но и по отношению к евреям. С одной стороны, Наполеон, безусловно, пытался привлечь к себе евреев – точно так же, как и христиан, и мусульман, и атеистов. В 1799 году, во время все того же Египетского похода, в газете «Монитор» появилось обещание восстановить еврейское государство и отстроить заново Иерусалимский храм. Более практические действия совершались в Европе, где Наполеон вполне в духе французской революции вводил законы, уравнивавшие евреев в правах с остальным населением. Мало того, в 1806 году он действительно устроил собрание представителей еврейских общин Франции, Италии, Германии и других завоеванных стран, чтобы, как пишет Электронная еврейская энциклопедия, «разъяснить, действительно ли еврейская религия предписывает ненависть к христианам. Наполеон, вместе с тем, объявил, что цель собрания – пробудить у евреев гражданские чувства (которых они лишены из-за вековых притеснений) и превратить евреев в полезных граждан, приведя в соответствие требования их религии с обязанностями французских граждан».

После этого был созван Синедрион – собрание еврейских общин, которое должно было дать религиозное благословение принятым на предыдущем съезде решениям. Сами евреи отнеслись к этим мероприятиям по-разному – одни ликовали, увидев, что император хочет дать им новые права, другие считали, что он чуть ли не призывает весь еврейский народ к ответу за их «неправильную» религию. При этом Наполеон несколько раз принимал законы, ограничивавшие права евреев, но для тех, кто хотел обличить императора, важнее было подчеркнуть его связь с иудаизмом. Так что в этом отрывке тоже все основывается на фактах. Или почти все.

Понятно, что ни самому императору, ни еврейским общинам и в голову не приходило объявлять Наполеона мессией – «лжемессией», как написано в тексте церковного обращения. Сама эта мысль была бы смешна в рациональной Франции начала XIX века, но в русских церквях она звучала вполне убедительно – и фраза о лжемессии как будто замыкает круг, начатый упоминанием идолов и блудниц. Вывод, который не произносился напрямую, но напрашивался: грядет Антихрист, наступает апокалипсис!

Через год после того, как этот текст прочитали в церквях, два императора – российский и французский – встретились в Тильзите, обнялись и заключили мир. Как же так – православный царь обнялся с Антихристом?

Петр Андреевич Вяземский записал такой якобы имевший место разговор:

«Когда узнали в России о свидании императоров, зашла о том речь у двух мужичков. „Как же это, – говорит один, – наш батюшка православный царь мог решиться сойтись с этим окаяннм, с этим нехристом? Ведь это страшный грех!“ „Да как же ты, братец, – отвечает другой, – не разумеешь и не смекаешь дела? Наш батюшка именно с тем и велел приготовить плот, чтобы сперва окрестить Бонапартия в реке, а потом уж допустить его пред свои светлые царские очи“».

В 1812 году, когда русская армия отступала, а на небе сияла комета – еще один признак грядущего апокалипсиса, поверить в дьявольскую сущность Наполеона было очень легко.

На образ Наполеона-Антихриста работали самые разнообразные особенности военной жизни. Вот что пишет историк Николай Промыслов:

«Во время войны в армии очень большая ценность – лошадь: она и спасет, и привезет продовольствие и боеприпасы. Поэтому французы оберегали своих лошадей. И на ночлег лошадей тоже стали заводить в церкви.

Это происходило и в Испании, и в России в 1812 году. В России к тому же населенные пункты редкие и небольшие. Деревянные строения, которые не погибали во время боев, разбирались на костры, и для ночлега солдатам оставались только каменные здания, а это чаще всего были те же церкви. Видя это, народ, естественно, чувствовал себя оскорбленным. Лошадь в храме – это распространенный фольклорный мотив: басурмане придут, поставят лошадей в храме. В Испании и России, где народ был очень религиозным, лошадь в храме была знаком того, что пришел Антихрист, а с Антихристом можно воевать любыми способами».

И неслучайно в это время в журнале «Сын отечества» перепечатали текст, вышедший в Испании, где Наполеона тоже не жаловали. «Вопрос: Сколько он имеет естеств? Ответ: Два: сатанинское и человеческое. Вопрос: От чего происходит Наполеон? Ответ: От ада и греха».

Здесь уже нет никаких «фактических» обоснований, никаких рассказов о Коране, Синедроне и тому подобных жутких для слуха обывателя вещах. Во французском императоре есть сатанинское естество – и этим все сказано. Стоит ли удивляться, что жители Москвы (как и испанцы), в отличие от жителей Вены и Берлина, не поднесли Наполеону ключи от города и не стали устраивать балы для французских офицеров. Со слугами Антихриста не танцуют. А ведь это был тот самый Наполеон, которым восхищались во всей Европе – в том числе и в России, включая и тех, кто воевал против Франции в 1805–1807 и 1812–1814 годах. Но как бы ни был велик французский император, оказалось, что объявить его Антихристом проще простого. И выяснилось, что люди легко в это верят.

Мысль о том, чтобы приписать врагам самые невероятные, нечеловеческие злодеяния, которые может совершить только Антихрист, существовала до Наполеона и, увы, продержалась и до сегодняшнего дня. Антихрист – это тот, кто совершает такие невероятные, невиданные преступления, о которых в обычной ситуации и подумать-то невозможно. Здесь перед пропагандистами открывается широкое поле деятельности – если воюем с Антихристом, то можно рассказывать о его злодеяниях, беспрерывно нагнетая все новые и новые, абсолютно фантастические ужасы.

* * *

12 июля 2014 года по Первому каналу российского телевидения некая Галина Пышняк рассказала о случае, который, по ее словам, произошел после того, как украинские войска заняли город Славянск:

«На площади собрали женщин, потому что мужиков больше нет. Женщины, девочки, старики. И это называется показательная казнь. Взяли ребенка трех лет, мальчика маленького, в трусиках, в футболке, как Иисуса, на доску объявлений прибили. Один прибывал, двое держали. И это все на маминых глазах. Маму держали. И мама смотрела, как ребенок истекает кровью. Крики. Визги. И еще взяли, надрезы сделали, чтоб ребенок мучился. Там невозможно было. Люди сознание теряли. А потом, после того как полтора часа ребенок мучился и умер, взяли маму, привязали до танка без сознания и по площади три круга провели. А круг площади – километр».

Образ распятого ребенка – один из самых сильных по эмоциональному воздействию. Что может быть страшнее рассказа о мучениях ребенка? «Да весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к „Боженьке“... Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре неискупленными слезами своими к „Боженьке“!» – восклицал Достоевский устами Ивана Карамазова.

В репортаже Первого канала страдания маленького мальчика явно приравнены к крестной муке – мало того, что его распяли, Галина Пышняк специально поясняет, что распяли «как Иисуса». Для пущей убедительности говорит, что мальчик был в трусиках и футболке, такая одежда еще больше подчеркивает незащитность. Он почти голый, ему нечем защититься от злодеев, которые к тому же «надрезы сделали, чтобы ребенок мучился». А после этого они еще замучили – тоже медленно – и его мать. Через несколько дней журналист Евгений Фельдман расспрашивал многих жителей Славянска, и оказалось, что ни один из них не слышал о распятом мальчике. Возможно ли такое в маленьком городе, особенно если, как говорила Галина Пышняк, на площадь согнали чуть ли не всех жителей? В интернете не появилось ни одной фотографии или видео, зафиксировавших случившееся. Неужели в наш век мобильных телефонов никто не заснял такое страшное, невероятное событие? Если даже запись казни Саддама Хусейна появилась в сети, то что уж говорить о замученном мальчике! Однако ни фото-, ни видеодоказательств нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.